

**Григорий
Чухрай**

МОЯ ВОЙНА

Я служил в десанте

Моя война

Григорий Чухрай
Я служил в десанте

«Алгоритм»

2016

УДК 791.44.071.2(47+57)
ББК 85.374(2)6-8

Чухрай Г. Н.

Я служил в десанте / Г. Н. Чухрай — «Алгоритм»,
2016 — (Моя война)

ISBN 978-5-906861-95-5

Имя классика советского кино Григория Чухрая не нуждается в особом представлении. «Сорок первый», «Баллада о солдате», «Чистое небо» навсегда вошли в золотой фонд отечественного кинематографа. Зритель, однако, мало что знает о жизненном пути мастера. Между тем Г. Чухрай прошел всю войну в рядах воздушно-десантных войск, участвуя в самых опасных операциях и зачастую вступая в рукопашную схватку с врагом. В своей книге Григорий Чухрай рассказывает об этом, а также о других эпизодах своей жизни, связанных с войной.

УДК 791.44.071.2(47+57)
ББК 85.374(2)6-8

ISBN 978-5-906861-95-5

© Чухрай Г. Н., 2016
© Алгоритм, 2016

Содержание

Автобиография	6
Детство	6
Отрочество	9
Юность	11
Перед войной	17
Новейшая техника	17
Привал	18
Дни и недели	19
Полтавчанин Степа Карнаух	20
За городом	21
Сообщение ТАСС	22
Война	23
Нападение немцев	23
Пост ВНОС	24
Первое ранение	25
Диверсант	26
Медсанбат. Прощание	27
В госпитале	28
Харьков	28
Трибунал	29
Городской отпуск	30
Находка	32
Мой взвод	33
Скачок карьеры	33
Мой взвод	34
Я воюю	35
Бунт	36
Спасение	37
Воздушно-десантный корпус	38
Едем	38
Ейск	39
Зеленые ворота	40
Добровольцы прибывают	41
Контуженный полковник	42
Матрос	43
Пирс	45
Снова Ессентуки	46
Танцы	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Григорий Чухрай Я служил в десанте

© Чухрай Г. Н., правообладатели

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

* * *

*Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые*

Ф. И. Тютчев

Автобиография

Детство

Человек не волен выбирать, в какой стране и в какую эпоху ему надлежит родиться. Он рождается и все, что его окружает, воспринимает как данность. Он учится жить в этом, данном ему мире и, взрослея, стремится занять в нем не последнее место. Рождение в Советской России – не заслуга, но и не грех, в котором нужно покаяться. Это судьба.

Я родился 23 мая 1921 года в городе Мелитополе на Украине.

Это был голодный год. Недавно окончилась гражданская война. Родители, отец Наум Зиновьевич Рубанов и мать Клавдия Петровна Чухрай, принимали в ней участие на стороне красных.

Когда мне было три года, родители разошлись. У отца образовалась другая семья. Я остался с матерью.

Мама уже была членом коммунистической партии и в своей среде считалась грамотеем – у нее было 4 класса образования. Она верила в социализм и все силы своей энергичной натуры отдавала делу. Всегда много и увлеченно работая, она не могла уделять много времени моему воспитанию. Я принадлежал самому себе. Целые дни я проводил во дворе и на улице, общался со сверстниками и ждал возвращения мамы. Она приходила усталая, но всегда активная, кормила меня, готовила пищу на завтра и расспрашивала обо всем; говорила со мной как со взрослым и без словесных назиданий руководила моими поступками. Ее независимость и скромное достоинство, ее отношение к людям, к работе были главными факторами моего воспитания. Она учила меня уважать тех, кто трудится, и презирать тех, кто наживается на их труде; что плохих национальностей не бывает, что стыдно судить о людях по их национальности, что везде есть хорошие и плохие люди.

Оглядываясь назад, я понимаю, что прожил счастливую жизнь. Дело вовсе не в том, что не было в ней тяжелых моментов, трудностей, бед и даже страданий, что я всегда был сыт, одет и доволен собой. Вовсе нет! В моей жизни было много такого, что бывает и у людей, считающих себя глубоко несчастными. Но я не жаловался на свои беды. Я рано понял, что никто мне ничем не обязан. Но в тяжелые минуты многие люди приходили мне на помощь. Я не жаловался на судьбу, не ждал от нее подарков, а она дарила мне и случай выйти из кризиса, и успех, и верных друзей, любовь и минуты счастья.

А эпоха была суровая.

Первые мои детские воспоминания связаны с коллективизацией. Я помню украинское село, куда мы с мамой приехали «ликвидировать кулака как класс». Я видел, как каких-то людей выводили из хаты, сажали на возы и увозили неизвестно куда. Кто-то рыдал, кто-то ругался, кто-то вполголоса проклинал советскую власть. Мне было жаль тех, кто плакал. Но мама говорила, что это необходимо, что эти люди кулаки, мироеды. Я не понимал, что такое мироеды, но верил маме, что они плохие.

Мы жили в хате дяди Прохора, председателя комбеда. Однажды ночью в наше окно стреляли. Мама стащила меня, сонного, с постели и велела спрятаться под кровать. Дядю Прохора ранили в плечо. Оксана, жена дяди Прохора, порвала сорочку, а мама перевязывала ему руку. Текла кровь. Мне было страшно, и я плакал. Дядя Прохор не плакал, только говорил, что стреляли кулаки и что все равно им крышка. В село приезжали военные с наганами, ловить кулаков. Кулаками оказались соседи дяди Прохора. Их поймали и увезли в город.

Потом на Украине был голод. Люди умирали целыми семьями. Мы с мамой уже жили в Днепропетровске и тоже сильно голодали. К тому же я заболел: организм не принимал пищи.

Мама получила письмо от своей подруги по полку. Подруга звала ее приехать в Кисловодск, там вроде бы было не так голодно. Но выезд из Украины был запрещен. Мама оббивала пороги каких-то учреждений и все-таки добилась пропуска на выезд. Я был в это время совсем плох. Помню какие-то вокзалы. Мы проходим мимо опухших от голода людей. Я кошусь на них. Мне страшно: распухшие от голода лица не похожи на лица людей. По ним ползают мухи. Ноги, руки – как тумбы.

Помню вагон, переполненный людьми. Мама заставляет меня съесть кусок хлеба. Я пытаюсь, но не могу. Мама плачет. Наш сосед по купе, старый грузин, спрашивает маму: «Что с мальчиком?» Мама говорит, что я заболел от голода и ничего не ем. «Сейчас мы его вылечим», – обещает старик и достает из своей корзинки бутылку с вином. Налив полный стакан, он подает его мне. «Пей, будет хорошо». Я упираюсь, я не хочу. Он кричит: «Пей! Пей, дорогой!» Я боюсь старика. Давясь, я отпиваю один глоток, но строгий старик приказывает: «Пей! Пей! Будет хорошо!» Я выпиваю целый стакан и засыпаю. Пока мы ехали, я опорожнил всю бутылку, и вино помогло. Я начал есть. Но скоро хлеб кончился. Благо нам надо было выходить. Я всегда с благодарностью вспоминаю этого доброго старика.

Маминых знакомых в Кисловодске не оказалось. «Они недавно уехали в Баку», – сказала соседка. Но у нас не было денег ехать в Баку. Мама стала искать работу. Мы ходили весь день по разным учреждениям, но работу не нашли. Мама просила меня потерпеть, она думала, что я голоден. А мне не хотелось есть. Я устал. Мне хотелось лечь на асфальт и уснуть. Потом мы ехали куда-то на электричке, и я наконец уснул. Проснулся я в Пятигорске. Мама снова ходила по городу в поисках работы. Отчаявшись, она зашла на кухню военного санатория и попросила у повара «хлеб для ребенка».

Повар поговору понял, что мы с Украины.

– Откуда ты, дочка?

Мама сказала. Повар был рад, что встретил землячку. Он дал нам по ложке каши и спросил маму:

– Ты грамотная?

– Да.

– Тогда беги к начальству – у нас недавно умер библиотекарь, может, возьмут тебя.

Мама оставила меня у повара и побежала к начальству. Скоро она возвратилась и радостно сообщила, что ее приняли на работу.

Нам дали маленькую комнатку, отгороженную от библиотеки фанерной стенкой, и питание «на работника». Мама делила его на двоих. Мы не были сыты, но и не голодали. Иногда сердобольный повар приносил нам немного каши или кусок хлеба.

Пришла южная весна, а за ней и лето. Я с малышами лазил в соседний сад. Мы рвали еще не созревшие орехи, очищали зеленую «рубашку» и ели мякоть. Руки и лица наши вокруг рта были коричневыми от сока.

Санаторий «Красная Звезда» располагался у подножья горы Машук. Ребята водили меня на гору. Я смотрел с горы на Пятигорск. От высоты захватывало дух. Дома казались маленькими, как спичечные коробки, и люди – как муравьи. Поднимались мы и на то место, где убили Лермонтова. Я знал, что Лермонтов был поэтом. Мама читала мне вслух его стихи и говорила, что его убили по приказу царя. Мишка Зуб, самый старший из нас – ему было 15 лет – говорил, что это неправда, что Лермонтова убил Мартынов. Я яростно спорил с ним. Вообще на Кавказе жить было интересно. Мы ходили на Провал – гору с дыркой вверху. Сквозь дырку было видно зеленое озеро. Оно пахло тухлым яйцом. Ребята говорили, что оно вылечивает болезни.

Мама в молодости была весьма симпатична. Отдыхающие атаковали библиотеку не только из тяги к литературе. Они кто как мог заигрывали с мамой. Она была со всеми проста, но умела поставить барьер между собой и ими. Был один человек, сидящий, красивый [10]

мужчина. Он часто засиживался с ней допоздна. В его петлицах было два ромба, а на груди – орден Красного Знамени, все мальчишки его уважали. Однажды я случайно увидел, как по дорожке к Машуку идут моя мама с Василием Сергеевичем. Он обнимал ее за талию. Это не вызвало во мне ревности. Я даже желал бы иметь такого папу. Но, когда на следующий день Мишка Зуб (сын главного врача Зубина) сказал, что Клавдия Петровна гуляет с отдыхающим, я бросился на него с кулаками. Зуб отбросил меня, как котенка. Я больно ударился и заплакал, но не от боли, а от обиды за то, что я маленький и слабый и не смог защитить свою маму.

Когда Василий Сергеевич уехал, мама погрустила дня три, потом не выдержала и поехала за ним в Баку.

В Баку мы сперва нашли маминых однополчан: Соню и Гургена Ашотовича, ее мужа. Найти их было нетрудно. Гурген Ашотович Арутюнян, был начальником милиции и его все знали. Он был старше тети Сони и инвалид. Ногу он потерял на гражданской войне, а тетя Соня его спасла от смерти. Она сама об этом рассказывала. Гурген Ашотович помог маме устроиться в милиции следователем и связаться с Василием Сергеевичем. Мама несколько раз встретила с ним, но потом перестала. Это меня огорчило: я по-прежнему мечтал о таком папе. Мама сказала:

– У него семья.

– Ну и что? – возразил я.

– Я не вправе отнимать у его мальчиков отца, – ответила она грустно и прибавила: – Ты уже большой и должен понимать. Тебе хорошо было расти без отца?

Я никогда не чувствовал себя несчастным от того, что рос без отца. Но я не сказал ей об этом. Мама всегда говорила о моем отце только хорошее. Заставляла меня посещать его семью. Я выполнял ее желания, но с ним мне было скучно и тяжело, хотя я знал, что он любит меня. Он очень волновался при встрече со мной и мамой. А она относилась к нему с уважением и помогала ему в трудное для него время.

Отрочество

Мама не была карьеристкой, но всегда увлеченно работала, и все у нее хорошо получалось. Такие люди тогда были нужны. Ее выдвигали на разные работы. Она была народной судьей. Говорили, что она справедливая. Потом ее послали в Одессу учиться на высших юридических курсах. А в Баку, в милиции, она сперва была следователем, потом старшим следователем, потом стала большим начальником и носила милицейскую форму, а в петлице – один ромб. Гурген Ашотович говорил тете Соне, что у нее, у мамы, талант. Она не только разоблачала преступников, но и оправдывала невинных.

Однажды осенью она разбудила меня очень рано.

– Поедем к морю, – сказала она, помогая мне одеваться.

– Почему к морю, ведь холодно? – капризничал я.

– Так надо! – тон ее не допускал возражений.

Пляж был пустой – ни одного человека. Море штормило. Дул холодный ветер. Мама кого-то ждала. Наконец на пляже появился Василий Сергеевич. Мама сказала:

– Постой здесь. – И быстро пошла к нему.

Они встретились в стороне от меня. За шумом волн я не слышал, о чем они говорили. Я бросал камешки в набегающие волны. Я видел, как он поцеловал маму в щеку и, оглянувшись, стал уходить. Мама возвратилась ко мне. После этого разговора мы, торопясь, собрали вещи и уехали на Украину. Мама устроилась на рядовую работу в МТС. Вскоре она вышла замуж.

Только через много лет я узнал причину этих перемен. В Азербайджане начались аресты и расстрелы работников ГПУ и милиции. Василий Сергеевич предупредил маму о грозящей ей опасности. Он советовал маме скрыться и тем уберечь маму от ареста, а меня – от судьбы сына расстрелянного «врага народа». Самого Василия Сергеевича, Гургена Ашотовича и многих других расстреляли, а Соню отправили в лагерь. Она не вынесла разлуки с дядей Гурgenом и в скором времени умерла. Об этом мы узнали от знакомой тети, которая ехала из Баку в Запорожье к родителям.

– Бесконечно честные и преданные партии люди, – грустно сказала мама и всплакнула.

Я был уже подростком и понимал, что об этом надо молчать.

Недалеко от нашей школы в городском мелитопольском театре шел спектакль «Чудесный сплав». Мы в красных галстуках выходили на сцену приветствовать создавших сплав. Наших голосов, очевидно, не было слышно в зале, и какой-то дядя учил нас говорить громко. У мамы был неудачный роман с милиционером Мишей. Миша был моложе мамы. Я его называл по имени. За папу я его не признавал, но маму за это не осуждал. Когда роман кончился, я об этом не жалел. Летом несколько школ, и наша в том числе, выезжали в лагерь в окрестности Бердянска. Там было море, и мы ездили в город смотреть кино. Фильм назывался «Крестьяне». Он мне не понравился. В Мелитополе был построен Дворец пионеров. Было торжественное открытие. В зал набилось много взрослых. Стояли в проходе и за стульями у дверей. Аплодировали директору Дворца, и какой-то дядя закричал от дверей: «Да здравствует товарищ Хатаевич!» Я не знал, кто такой Хатаевич. Меня поразил этот крик, казалось, что дядя кричал от страха. Потом мама говорила, что Хатаевича расстреляли.

Во Дворце были разные кружки. Я посещал кружок рисования. Им руководил хороший педагог, фамилию которого я, к стыду своему, не могу вспомнить.

Это время было совсем не похоже на то, что делается теперь: образование было бесплатное для всех, в пионерские лагеря дети ездили за символическую плату, доступную каждой семье, многие бесплатно, за счет профсоюзов. Дворец пионеров был построен на средства государства. И за кружки, которые мы посещали, не надо было платить ни копейки.

Я вырослел и наконец вместе с мамой оказался в Москве, куда она и мой отчим Павел Антонович Литвиненко были посланы на учебу в Академию соцземледелия. Академией, я думаю, она называлась для авторитета. Фактически же это были двухгодичные курсы при Тимирязевской академии, на которых повышали квалификацию работники сельского хозяйства. Мы получили отдельную комнатку в общежитии на Лиственной аллее. Я был определен в лесную школу, в районе Тимирязевской академии (трамвайная остановка с архаичным, но милым мне названием «Соломенная сторожка»).

В этой школе мне не повезло. Я был провинциалом, мои слабые по сравнению с москвичами знания и украинизмы в речи вызывали у моих одноклассников насмешки. А это был шестой класс, когда в мальчишках просыпается обостренное чувство собственного достоинства. Посещать эту школу было неприятно, и я решил просто туда не ходить. Мама давала мне рубль в день на трамвай и еду. Я уезжал в центр, покупал за пятак вход в Политехнический музей и проводил в нем весь день до закрытия. Там же, в буфете, покупал себе какой-нибудь бутерброд и чай. Часто, когда оставались 10 копеек, забегал в кинотеатр «Художественный».

Это был период расцвета советского кино. На экраны выходили замечательные фильмы. Политехнический музей формировал во мне знания – таких знаний не могла дать мне никакая школа, – а фильмы формировали мировоззрение.

В конце учебного года маму вызвали на родительское собрание, и она с удивлением и испугом узнала, что я весь год не посещал школу. Был серьезный разговор. Я объяснил, почему так поступил. Ни мама, ни отчим меня не ругали. В это время заканчивалось строительство новой школы-десятилетки на Лиственной аллее. В новом учебном году я уже учился в этой школе.

Юность

Эта школа сыграла в моей судьбе очень важную роль. В ней учились главным образом дети профессорско-преподавательского состава Тимирязевской академии, с которыми было интересно общаться. Преподавали нам прекрасные учителя. Да и сам я был не тем, [15] что в Лесной школе: я обтесался, научился правильно говорить по-русски, подружился с хорошими ребятами. Самым близким мне другом был Карлуша Бондарев. В период юдофобства и борьбы с «космополитами» кристально честный Карлуша принципиально сменил русскую фамилию матери на еврейскую фамилию отца: Кантор. Его мать Ида Исааковна Бондарева, член коммунистической партии с 1903 года, во время столыпинской реакции эмигрировала в Аргентину, была одним из организаторов аргентинской компартии. Я часто бывал в этой семье. Мне в ней нравилось все: и скромная легкая мебель, и полки книг во всех комнатах от пола до потолка, и то, что они знали много европейских языков, и стиль отношений в семье. Они были удивительно красивыми людьми и физически и нравственно. К простым людям они относились без деланного демократизма, но с искренним уважением, презирали чванство и притворство, ненавидели национализм, много трудились. Отец Карла был профессором геологии в Тимирязевской академии. Он тоже был коммунистом. Карл привил мне любовь к поэзии Владимира Маяковского. Его родная сестра Лиля Герреро была в Аргентине писательницей и перевела Маяковского и других советских поэтов на испанский. Она пару раз приезжала в Москву, я познакомился с ней. Она была необычно красива. Я, мальчишка, любовался ею и с уважением смотрел на орден Красной Звезды, который она получила за Испанию (воевала в интернациональной бригаде). Карл тоже родился в Аргентине. Родители возвратились в СССР только в 1924 году.

Ко мне они относились просто и душевно. Глядя на них, я с восхищением думал: «Такой была ленинская гвардия коммунистов: умными, скромными, образованными и работающими».

Об идеологии, господствующей в то время, сегодня принято говорить чуть ли не как о мракобесии. Это неправда. «Коммунистом можно стать, только освоив все богатства культуры, выработанные до нас человечеством», – писал Ленин. Это было идеологической основой нашего воспитания. В школе нам преподавали Пушкина, Некрасова, Блока, Горького и других писателей, разумеется, подчеркивая их революционность. Не одобряли, но и не запрещали Есенина и Достоевского, но мы их читали и составляли о них свое мнение, отличающееся от официального.

Помню, я пришел в общежитие поздно. Мама и Павел Антонович уже спали. На электрической плитке, ожидая меня, стоял холодный чайник, на столе – хлеб и кусок дешевой колбасы. А рядом – открытая книга. Не садясь за стол, я прочитал несколько фраз и уже не мог оторваться. Это было «Преступление и наказание» Достоевского. Так, не меняя позы, я всю ночь читал и дочитал роман до конца, а потом вернулся к началу. С тех пор я полюбил Достоевского. Люблю его и сейчас.

На уроках истории преподаватели критиковали царей, исключая разве Петра Первого. О Степане Разине и Емельяне Пугачеве говорили как о предтечах революции. Восхищались подвигом декабристов и победой над Наполеоном. Гордились Суворовым, Кутузовым и победами адмирала Ушакова, романтизировали революцию и гражданскую войну. Конечно, жизнь и размышления внесли во все это частичные изменения, но не зачеркнули основного, главного. Вот и подумаешь: когда было мракобесие, тогда или теперь? Когда отсутствует национальная идея и господствует беспредел в культуре и экономике, а общество живет в основном за счет иностранных товаров и воровства. Не сомневаюсь, прочтя эти строки, многие одичавшие интеллектуалы зачислят меня в зюгановцы. «Знаем мы их идеологию! – ска-

жут они. – Все поделить и раздать!» – и повторяют джентльменский набор модных благоглупостей. О жестокостях Ленина, убивавшего зайцев прикладом, о железном занавесе и о К. Марксе как о виновнике пустых полок в наших магазинах.

Социализм не появился на следующий день после Октябрьской революции – он, как все живое на Земле, родившись, развивался и принимал различные формы. Были разные периоды в этом развитии. Валить все в кучу можно только по невежеству или злему умыслу.

Действительно, в донэпманский период «отнять и разделить» предлагали шариковы. Но действия шариковых привели к усилению голода. Ленин лучше других понимал, что, следуя этим путем, Россия, в недрах которой уже зрел эмбрион социализма, погибла бы от истощения. Ленин вопреки яростному сопротивлению Совнаркома предложил НЭП и накормил Россию. Страна выжила, выжил и эмбрион. Ленин совершил еще один подвиг: будучи уже тяжело больным, он письмом к съезду предупредил партию об опасности власти Сталина. Его не послушали, но это уже не его вина.

А Маркс был против использования его теории в России. Наши одичавшие полужайки либо не знают, либо намеренно скрывают это – боятся отстать от моды.

Однако я слишком увлекся и потерял нить повествования. Обо всем этом я расскажу во второй книге в разделе «Ликбез», а сейчас вернемся в тридцатые годы в школу, в которой я учился.

Я сильно отставал от сверстников в математике. Помогать мне вызвался мой одноклассник Андрюша Кисловский. Я часто бывал у Андрюши и очень уважал его семью. При многих различиях с Канторами (Кисловские происходили из старинной дворянской фамилии) я замечал в них много общего. Возможно, это было то, что раньше называлось культурой. Теперь, как верно заметил А. И. Солженицын, интеллигентами называют «образованщину» – людей, получивших образование, но не усвоивших элементарной культуры.

Андрюша Кисловский много читал и был эрудированнее всех нас, его сверстников, а иногда и преподавателей. Первое время он позволял себе поправлять преподавателей, не соглашаясь с ними и противопоставлять им свое мнение. Но потом как-то вдруг перестал.

«Надо быть чутким к преподавателям», – часто повторял он, очевидно, цитируя отца, и при этом весело хохотал.

У него был младший брат Левушка. Жили они вдвоем в одной комнате, стены которой были увешаны бумажками с разными грамматическими формами английского языка. (В школе мы изучали немецкий, он и немецкий знал неплохо).

Но особенно талантливым Андрей был в математике. Наш учитель математики Борис Васильевич Романовский часто восхищался его способностями.

В то время сверх программы мы проходили тригонометрические функции. Для того чтобы прийти к ответу, надо было исписать преобразованиями два-три листа тетради. Андрей подходил к доске и, вместо того чтобы заняться преобразованиями, стоял и мурлыкал какую-нибудь арию, чаще всего арию Варяжского гостя, а потом вдруг писал на доске правильный ответ. Борис Васильевич изумлялся: «Как вы к этому пришли?» Андрюша излагал свой ход мыслей, и Борис Васильевич изумлялся еще больше.

Сам Романовский был человеком недюжинным. Седой, стройный, всегда элегантный, он приходил на уроки как на праздник. Все девчонки были влюблены в него. Он мог подойти к доске и, как бы небрежно, начертить на ней мелом идеальную окружность. «Как по циркулю!» – восхищались мы. Его чертеж на доске можно было выставлять на выставке. Он был в своем деле и художником и артистом. Ему принадлежало авторство книги по математике. Он и преподавал свой предмет по своей, нестандартной методике. Ко мне он относился строго, и я до сих пор благодарен ему за это.

С помощью Андруши я догонял сверстников и, бывало, выйдя к доске, правильно решал трудную задачу. Тогда Борис Васильевич задавал мне вопрос из пройденного. Я не мог на него ответить и получал двойку.

Я не помнил многих теорем и, когда во время контрольных работ возникала в них необходимость, сам находил доказательства. Борис Васильевич, кроме контрольной, требовал сдать и черновики, но я не придавал этому значения.

Однажды я зашел в учительскую, где в первой комнате хранились учебные пособия и школьная газета (я хорошо рисовал и оформлял эту газету). Во второй комнате, в учительской, шел разговор, кого оставить на второй год. Услышав свою фамилию, я насторожился.

– А я категорически возражаю! – запальчиво говорил Борис Васильевич. – Чухрай действительно сильно отстал, но у него богатая математическая интуиция. Он у меня еще будет отличником!

Эта похвала весьма подняла меня в собственных глазах. Я стал много работать и окончил восьмой класс отличником по математике. В этом, конечно, была большая заслуга Андрея Кисловского. Андрей произвел на меня неизгладимое впечатление, которое я сохранил на всю жизнь.

Был у меня еще один приятель – Женя Гужов. Когда мои родители, окончив академию, уехали работать на Украину, добрая мама Жени за небольшую плату согласилась кормить меня обедами. В доме Гужовых, веселом и чистом, напоминавшем мне наш украинский дом, пахло свежими щами. Женя Гужов хорошо учился и имел редкий почерк. Мы вместе с ним оформляли школьную стенгазету. Он был верным другом и добрым парнем. Отец его служил в милиции.

Итак, мои родители уехали на Украину, а я остался в Москве: жалко было расставаться с друзьями и преподавателями, многих из которых я успел полюбить. Держала меня в Москве и первая юношеская любовь.

С моей одноклассницей Нелей Фроловой многие мальчишки хотели бы дружить. Она почему-то избрала меня. Я был горд этой победой и долго был ее верным другом. Я бывал у нее дома, был знаком с ее родителями, защищал ее от хулиганов. Тогда и хулиганы были не такими «крутыми», как теперь: не было жестокости. Самое большее, что они могли совершить, – это слегка поколотить конкурента или сказать нелестное слово о девушке, но не больше. В таких случаях я тоже пускал в ход кулаки и заставлял уважать девушку.

Вместе с Карлом мы организовали кружок Маяковского и с успехом читали его стихи в школе и на других вечерах. У Карла был прекрасный голос. Некоторые строки Маяковского волновали его настолько, что, произнося их, он заметно бледнел, и чудный его баритон усиливался до крика.

– Ты так кричишь, что я ничего не слышу! – говорил Андрей Кисловский полушутя (он ценил чтение Карла и часто слушал его и меня).

Дело шло к окончанию школы, и надо было решать, в какой институт пойти. Одно время я хотел стать врачом, потом пристрастился к технике. При Дворце пионеров, кроме разных кружков (по рукоделию, литературе, рисованию и прочему), была детская техническая станция. Там под руководством инструкторов можно было мастерить модели самолетов и кораблей (руководителей и материалы бесплатно давало государство). Я мастерил примитивные радиоприемники. Они работали. В наушниках я слышал наши, а иногда и зарубежные станции.

Вообще в Советском Союзе делалось много полезного для развития детей. Каждое лето за символическую плату школьники выезжали в пионерские лагеря, в лес, к реке, к морю. Сегодня это доступно только богатым, и то не всем. И в лагерях были различные кружки по интересам. Это был настоящий отдых!

О пионерских лагерях сегодня принято говорить с циничной усмешкой – «лагеря для промывания мозгов». Глупость! Нам не надо было промывать мозги – в них ничего не было, кроме советской идеологии. А диссидентов среди детей не бывает.

Нас учили быть честными, трудолюбивыми, бескорыстными, хорошо учиться, любить свою родину, уважать трудящихся всех национальностей. Что здесь плохого?

Правдолюбцы не упустят случая напомнить нам и себе о Павлике Морозове. Для нас Павлик Морозов никогда не был примером для подражания. Нельзя привести ни одного случая повторения его «подвига». Мы любили своих родителей и не собирались их предавать. Но были события и пострашнее, чем сказки о Павлике Морозове, – суды над «врагами народа». На комсомольских собраниях от детей «разоблаченных врагов» требовали, чтобы они отказывались от своих родителей. Мы понимали, что это изуверство, но бороться с этим еще не умели.

Когда мы окончили школу, Андрей пригласил Карла и меня к своему деду. Старый академик Дмитрий Моисеевич Петрушевский хотел познакомиться с друзьями своего внука. Не знаю, какое впечатление произвели на него мы, но он на нас произвел большое. Мы первый раз в жизни видели живого академика. Он говорил с нами как с равными. Делился своими мыслями, совершенно не опасаясь никого. Например, говоря о «Кратком курсе истории партии», он беззлобно заметил, что эта книга ничего общего с историей не имеет. Слушая его, мы верили в то, о чем он говорил. Нам в это время уже многое не нравилось.

– Как же вы могли молчать! – возмущаются полужнайки.

Мне всегда хочется спросить их:

– А как же вы сегодня молчите, когда вас грабит родное правительство, когда вы наблюдаете тысячи случаев беззакония, заказные убийства почти каждый день, депутатов с криминальным прошлым и настоящим, голодную армию, торгующую своим оружием, и множество других безобразий? Воистину: в чужом глазу соломинку видите, а в своем бревна не замечаете. У нас был тотальный страх, отсутствие свободы слова, ГУЛАГи, психушки, а у вас «демократия», «свобода слова», «плюрализм мнений»... Почему вы молчите? Кого боитесь?

– Grimасы переходного периода, – оправдываются полужнайки. – У нас еще «дикий капитализм». Вот когда все утрясется...

– Так ведь и у нас был еще «дикий социализм», который только начинал формироваться, и мы тоже переживали переходный период. С той только разницей, что за 18 лет, от НЭПа до Великой Отечественной войны, наша отсталая аграрная страна стала страной поголовной грамотности и второй индустриальной державой мира!

Мы тоже принимали суды над «врагами народа» и другие преступления власти за «grimасы переходного периода», а развитие страны, успехи науки, техники и культуры – за свет в конце туннеля!

В эти годы я стал серьезно подумывать о кинематографе. Последнее время на экранах один за другим появлялись подлинныe шедевры: «Машенька», «Мы из Кронштадта», «Щорс», «Веселые ребята»... И в прежние годы выходили хорошие фильмы, но эти пошли косяком. В школе я увлекался не только стенгазетой, но и драмкружком. В дни празднования столетия со дня рождения А. С. Пушкина мы с Нелей Фроловой играли на вечере в школе «Сцену у фонтана» из «Бориса Годунова». Марину Мнишек играла Неля. Я был Самозванцем, Гришкой Отрепьевым. Потом мы ставили отрывки из «Русских женщин» по Некрасову. Мне было интересно и радостно заниматься этим. Окончив школу, я уже твердо знал, что хочу учиться во ВГИКе.

После выпускного школьного бала мы всю ночь гуляли по Москве, не опасаясь ни за себя, ни за своих девушек. Нам, нашей жизни ничто не угрожало. Это была свобода! А сегодня, когда боишься открыть дверь незнакомому человеку, – какая же это свобода?!

(Написав эти строки, я подумал: «Я не совсем объективен. Нам действительно ничего не угрожало, а были люди, которые вздрагивали по ночам от звонка в дверь – боялись арестов».)

– А у нас теперь свобода слова и демократия! – хвастают полужайки.

– Не обольщайтесь, – могу возразить я. – Нет у вас демократии! Народ на референдуме проголосовал за сохранение Советского Союза, а власть поступила, как ей хотелось. Выборы превратились в фарс. И свобода слова... Ведь она не только свобода говорить правду, но и свобода бессовестно врать, что мы и наблюдаем ежедневно.

Когда я пишу все это, то отнюдь не зову никого в прошлое. Да это и невозможно, реки истории не текут вспять. Я только знаю, что народ, утративший историческую память, превращается в толпу. А с толпой можно делать все что угодно. Так произошло с моей страной. Наблюдать это мне больно.

Но я опять отвлекся и могу быть неправильно понят. Вроде бы я занимаюсь бессмысленным спором: когда было лучше, раньше или теперь. Кому-то было лучше тогда, кому-то лучше теперь. Спорить об этом глупо, ибо каждая из сторон может найти тысячи убедительных аргументов в доказательство своей правоты. «История такой предмет: за какой цитатой полезешь, ту и вытащишь», – говорит мой сын. Я с ним согласен. И неправда, что в споре рождается истина. Она рождается только в тех редких случаях, когда обе стороны заинтересованы в истине. В споре, в котором каждая из сторон доказывает свою правоту, рождаются только взаимная неприязнь, вражда и агрессия.

Итак я подал документы во ВГИК и был допущен к экзаменам. Но пришел офицер из военкомата и объявил, что юноши, родившиеся в 1921 году, призываются в армию. Мы должны выехать на постоянное место жительства, и там будем призваны.

Это меня несколько не огорчило. Тогда отношение к службе в армии было совсем другим, чем теперь. Я даже был рад призыву. «Какой из меня режиссер? – думал я. – Что знает о жизни десятиклассник? А вот послужу полтора года, получу опыт, возмужаю. Тогда можно учиться искусству...»

Я уехал на Украину к родителям и стал ждать.

Призвали нас только в январе 1940-го года. Ожидая призыва, я не терял времени зря: читал Станиславского и Сахновского, даже по просьбе директора местной школы читал несколько месяцев лекции по литературе в старших классах. Прослужив до июня 1941 года и очень мало узнав о жизни, я, фактически со школьной скамьи, попал на войну.

Война явилась для меня действительно хорошей школой. На второй день войны я был первый раз ранен. Воевал на Украине, на Тамани, защищал Сталинград, выходил из окружений, прыгал в тыл врага (я служил в воздушно-десантных войсках), был четырежды ранен. Последнее ранение получил в апреле 45-го в бою у города Папа, на пути к Вене День Победы встретил в госпитале. Демобилизован в конце декабря 1945 по ранению.

На войне я не стал героем, каких было немного. Я был обыкновенным солдатом, а потом и офицером, каких были миллионы. Я любил свою армию. В ней не было национализма. Солдаты ценили друг друга не по национальной принадлежности, а по уму, смелости и умению воевать. О такой гадости, как дедовщина, мы и слыхом не слыхали. На войне мне везло: у меня были верные друзья, которые не предадут и не бросят в беде. Я мог тысячи раз погибнуть, но мои ранения не сделали меня калекой (во всяком случае, внешне).

Мне повезло и после войны: меня приняли во ВГИК. Моими мастерами были С. И. Юткевич и любимый мной человек, режиссер Михаил Ильич Ромм.

После окончания института я дружил со многими видными кинематографистами мира: с Ивом Монтаном, с Симоной Синьоре, с Джузеппе де Сантисом, с Мариной Влади и Одиль Версуа. С великими советскими кинематографистами: Марком Донским, Иваном Пырьевым, Александром Довженко, Александром Згуриди. С Сергеем Бондарчуком и Сергеем Урусевским. Был дружен с главой социалистической Венгрии Яношем Кадаром. Встречался

с маршалами Г. К. Жуковым, К. К. Рокоссовским, И. С. Коневым, с адмиралами флота Исаковым и Сергеевым, с Индирой Ганди, с шахиней Ирана, с Никитой Хрущевым и многими другими выдающимися лицами моего времени. Я никому не льстил, никому не лез в душу – все получалось само собой. Моими личными друзьями были мои фронтовые братья: Павел Кирмас, Георгий Кондрашов, Сурен Мирзоян, поэты Наум Коржавин, Назым Хикмет, Александр Твардовский. До сих пор, вот уже 60 лет, я дружу с Карлом Кантором.

Став режиссером, я считал, что фильм – поступок, и старался не совершать поступка, за который мне было бы стыдно. Мои фильмы любили зрители. А чиновники от искусства меня не любили. Неправда, что они были все дураками и невеждами. Многие из них были образованными и знающими людьми, но их положение в тоталитарном государстве требовало от них учитывать уровень культуры начальников. Поэтому они перестраховывались – старались угадать, что может не понравиться начальству, и критиковали на всякий случай все, что может им, чиновникам, повредить. Были и невежды-перестраховщики, эти хамили и зверствовали, грубо вмешивались в творческий процесс.

За первый мой самостоятельный фильм «Сорок первый» меня отдавали под суд. За «Балладу о солдате» исключали из партии, за «Чистое небо» пытались посадить за решетку, за «Трясину» чуть не разогнали руководство студии, а меня хотели лишить права на профессию. Я никому не жаловался, никого не просил о помощи. Я боролся. И так получалось, что многие люди приходили мне на помощь. Мои фильмы получили десятки престижных призов на международных фестивалях, а за «Балладу о солдате» я получил Ленинскую премию. Но сегодня радует меня не это. Меня радует, что снятые 30–40 лет назад они до сих пор не сходят с экранов. Сотни других фильмов уже давно умерли, а мои еще смотрятся и волнуют зрителя. Мне приятно вспомнить, что за двадцать лет до Михаила Горбачева я вместе с замечательным человеком Владимиром Александровичем Познером (отцом Владимира Познера, хорошо знакомого телезрителям) начал перестройку, необходимость в которой была уже в то время. Мы создали первое предприятие, построенное на экономических стимулах к труду, – «Экспериментальную творческую киностудию». В ней не было ничего от рыночной экономики. Это было социалистическое предприятие. Мы снимали фильмы на свои заработанные трудом и талантом деньги и резко ограничили вмешательство чиновников в творчество. Студия подарила художникам свободу творчества, а кинематографу – такие фильмы как «Белое солнце пустыни», «Табор уходит в небо», «Раба любви», «Иван Васильевич меняет профессию», «Двенадцать стульев», «Не горюй» и другие, вошедшие в золотой фонд советской кинематографии.

Я был советским гражданином – солдатом и режиссером – и этим горжусь, несколько не боясь оказаться немодным или отстать от прогресса, тем более что, как любил говорить Н. Коржавин, неизвестно, куда идет прогресс.

Эпоха, в которой я жил, была голодной, жестокой, кровавой и одновременно великой.

Моя цель – правдиво описывая свою жизнь, говорить все, что в ней было. Как я думал о ней тогда и как думаю сейчас. Что считаю ошибками и преступлениями, а что – достижениями. Ибо это правда, о которой современная молодежь понятия не имеет.

Перед войной

Новейшая техника

В начале апреля 1941 года батальон связи 134-й стрелковой дивизии, в котором я служил, выехал из Мариуполя в лагерь, в окрестности Белгорода. Прекрасное место для военной подготовки. Среди вековых сосен мы оборудовали полосу препятствий, курилку, столовую, классы для занятий, столы для чистки оружия, разбили палатки. Но прошло несколько дней, и нам приказали уничтожить все, что построено, чтобы «враг не мог догадаться, что было на этом месте». Затем полк построили и объявили поход на дальнюю дистанцию. Куда мы идем, нам не сказали, да мы и не ждали объяснения. На дальнюю так на дальнюю, все равно скоро демобилизация. Начальству виднее. Было приказано взять на себя все, что положено солдату в походе: оружие, боевые патроны, противогаз, флягу, вещмешок с неприкосновенным запасом питания, шинель в скатке – тяжесть для похода предельная. Но наше начальство, привыкшее выполнять и перевыполнять, приказало взять на себя еще и одеяла в скатке. Это уже было сверх всякой нормы – тяжело, неудобно и не нужно, но приказ есть приказ.

Сверх всего этого радисты (а я был в то время радистом) несли на себе радиостанцию (по-военному рацию).

Сегодня, когда с помощью телефона, помещающегося в нагрудном карманчике пиджака, можно связаться практически с любой точкой земного шара, читателю будет, пожалуй, небезынтересно узнать, что рация 6ПК (полковая радиостанция) держала устойчивую связь всего на 6 километров микрофоном и на 12 километров ключом Морзе, а общий вес ее был чуть меньше четырех пудов. Переносилась она в двух упаковках. Нести на себе каждую из них должен был расчет из 4-х человек, сменяя друг друга в походе.

Сначала, несмотря на непосильную ношу, мы двигались довольно бодро. Были молоды и силенок хватало. Выходили мы рано утром, еще до рассвета. Было приятно испытывать утреннюю прохладу, наблюдать, как встает солнце, как предметы постепенно обретают объемность и яркие краски. Было радостно смотреть, как в небе плывут облака, смотреть на пышную зелень, на белые украинские хатки. Постепенно дорога высыхала от утренней росы, поднималась пыль, потные лица солдат становились от нее серыми, становилось трудно дышать, лямки радиостанции врезались в тело. Теперь нам было не до красот природы. В голове стучала одна мысль: «Привал! Поскорее бы привал!»

Привал

Но вот, наконец, команда «привал!» Можно снять с себя амуницию, упасть на землю и отдохнуть. Но сначала нужно поставить винтовки в пирамиды. Ставим винтовки штыком к штыку, освобождаемся от амуниции и падаем на землю. Но появляется старший лейтенант Стрельников и велит натянуть шпагат: проверяет, ровно ли поставлены пирамиды. Оказывается – неровно.

– Встать! Поправить пирамиды!

Поднимаемся, подправляем пирамиды и снова падаем на землю.

Но старшему лейтенанту нейдет.

– Встать! Поправить амуницию!

Проклиная в мыслях дотошного Стрельникова, встаем, поправляем амуницию. Теперь все как надо, и проезжающее верхом на лошадях начальство останется довольным стараниями старшего лейтенанта. А мы, наконец получив возможность отдохнуть, погружаемся в тяжелый сон...

Снова звучит команда «подъем!», и все повторяется сначала. Только теперь уже с первых шагов чувствуешь, как больно врезаются в плечи лямки раций, и думаешь только о привале.

Дни и недели

Так проходили дни, недели. А мы все шли, изнывая от жары и усталости.

В города нас не пускали «в целях секретности». Мы обходили их по проселочным дорогам, через села. Деревенские женщины, провожая нас тревожными взглядами, причитали:

– Куда ж вас гонют, хлопчики? Невже на войну? Политруки устало посмеивались.

– Какая война? С кем? Увидят солдат – и сразу война!

Когда выходили в степь, видели, что по параллельным дорогам на запад движутся другие дивизии. Но и это не вызывало у нас мрачных предчувствий.

Проходили недели, а мы все шли. От усталости мы уже не способны были думать ни о чем другом, кроме отдыха. А нас торопили: «Шире шаг! Подтянись! Не выполняем график движения...»

Так от Черного моря, обходя города, дошли до Полтавы. Перед городом остановились в поле.

Полтавчанин Степа Карнаух

Мой друг Степа Карнаух, крепыш, весельчак и ротный запевала, недоумевал:

– Чего ждем?

Полтавчанин, он надеялся забежать к своим родителям.

Он ходил к начальству, просил отпустить его. Обещал не отстать. Не разрешили.

– Почему? – удивился я. – Ведь все равно стоим.

– Майор Яценко сказал: «Через две недели вас демобилизуют, тогда и повидаете родителей», – ответил Степа без энтузиазма.

Яценко был неплохим человеком. Он не мог знать, что мы идем на войну и многих из нас и самого его скоро не будет в живых.

К вечеру стал накрапывать дождь. Все усиливаясь, он превратился в ливень. Мы все промокли до нитки... Когда же наступила ночь, мы получили приказ пройти через город, но так, чтобы сохранить секретность.

Город спал, погруженный во тьму. Мы шли по его окраине. Редкие фонари освещали только косые струи ливня. Сиротливо чернели справа темные силуэты домов. Степа Карнаух, вглядываясь в темноту, сказал:

– Там мой дом...

Я не знал, о каком доме он говорит, и промолчал, продолжая шагать. Был слышен только шум льющейся с неба воды да хлюпанье сотен сапог по мокрым булыжникам. А Степа все оборачивался и смотрел в темноту. Свой дом он видел последний раз в жизни.

За городом

Вышли за город. Исчезли из вида тусклые фонари. Бульжник под ногами сменился проселочной дорогой. От дождя и тысячи ног она превратилась в густую вязкую грязь, тяжелыми комьями налипавшую на солдатские ботинки. Каждый шаг давался с трудом. А ливень не утихал. Надо бы объявить привал, но не ложиться же в грязь. Многие солдаты спали на ходу. Я тоже уснул и просыпался только тогда, когда натыкался на идущих впереди.

Рассвело, а мы все тащились, мокрые, уставшие, с комьями грязи, налипшей на ботинки.

– Семь бед – один ответ, – сказал майор Яценко и объявил привал.

Сойдя с дороги, мы повалились на мокрую траву и сразу уснули...

Когда проснулись, солнце было уже высоко. Выкрутили еще мокрую одежду, очистили ботинки от грязи, поели – и снова в поход. И снова:

– Не отставать! Подтянись, ребята! Отстаем от графика!

За колонной несколько подвод везли бойцов, не выдержавших похода, а я и мои товарищи еще держались. Так прошли от Черного моря через всю Украину. И казалось, этому походу не будет конца.

Миновали Золотоношу. От нее пошли по лесным дорогам. Изредка дороги выводили нас в села, а потом – снова леса, леса...

Сообщение ТАСС

На одном из привалов нам прочитали сообщение ТАСС.

«Западная пресса распространяет ложные слухи о переброске советских войск к границе. Это не соответствует действительности. У нас проходят плановые железнодорожные учения».

И мы, прошагавшие пешком через всю Украину к польской границе, верили в железнодорожные учения и не верили буржуазной прессе.

Война

Нападение немцев

Ночевали в лесу. Утром меня разбудили офицеры штаба.

– Ты можешь на своей станции поймать Москву?

– Попробую.

Я набросил на дерево антенну и, включив приемник, поймал широковещательную станцию «Коминтерн».

– «... бомбили Киев и Минск!» – услышал я и отдал наушники офицеру, нетерпеливо тянувшему к ним руки.

Офицер дослушал сводку до конца и сказал:

– Да, братцы, война!..

Скоро весь лагерь уже знал, что на нас напали немцы. Сегодня, глядя на фильмы о начале войны, я вижу: узнают о нападении немцев – и сразу горькие слезы. В жизни было не так.

И на гражданке, и в армии – никакого уныния. У всех приподнятое настроение, все были возбуждены, всем хотелось скорее наказать немцев за вероломство, все были уверены, что от немцев «через две недели ничего не останется».

В этот день мы никуда не пошли, очевидно, ждали распоряжения сверху. В полдень наш расчет вызвали в штаб дивизии, показали на карте небольшую поляну и велели на ней развернуть пост ВНОС (воздушного наблюдения, оповещения и связи). На карте к поляне вела дорога. Найдя эту дорогу на местности, мы скоро дошли до поляны и, отойдя от дороги на открытое место, развернули рацию. Нас было трое: Гриша Самко, Мухамбеджан Бекшинов (просто Мух) и я. Степу Карнауха оставили на полковой рации для более надежной связи с нами.

Пост ВНОС

Договорившись о времени дежурств, мы трое лежали на траве и смотрели в небо. По небу плыли белые облака, светило солнце. Не верилось, что где-то пылают пожары, рвутся снаряды и гибнут люди.

Дорога была пустынной. Лишь к вечеру на ней показалась одинокая бричка.

Остановив лошадь, кучер, молодой паренек с пышным белесым чубом, направился к нам.

– Хлопцы, – спросил он, подходя, – а то правда, шо кажут война?

– Правда.

– А шо вы слухаете?

– Это военная тайна. Но от тебя не скрою. – Мух перешел на таинственный шепот. – Как увидим немцев, сообщим в штаб.

Паренек постоял немного и, повернувшись, пошел к своей подводе.

– А ведь война имеет свои преимущества! – продолжал балагурить Мух. – По крайней мере можно вдоволь поспать!

Он развалился на траве, блаженно закрыв глаза.

Первое ранение

Первая военная ночь прошла спокойно. Я дежурил на рации. Утром, когда уже начало сереть, я передал дежурство Грише Самко, а сам улегся на траву. Не спалось.

– Григорий! Смотри! – сказал Самко.

Я открыл глаза. На небе чернели тучи, и только край неба стал розоветь.

– Смотри на дорогу! – уточнил Мух. Он тоже проснулся.

От дороги к нам бежали знакомый паренек и женщина.

– На наш лес прыгнули парашютисты... Сообщите куда следует! – сказала женщина, отдышавшись.

– Сколько?

– Сторож казав пять або шесть, – отвечал паренек, – воны уже побигли до лису.

– Кто побиг?

– Сторож и милиционер.

– У сторожа двустволка, у милиционера наган! – торопясь, дополнила паренька женщина.

Гриша Самко уже вызывал штаб дивизии. Я и Бекшинов, схватив винтовки, побежали вместе с пареньком и женщиной к бричке, сели в нее и покатили ловить диверсантов. Честно говоря, я не знаю, что больше меня волновало: высадка диверсантов или тщеславная возможность поймать шпионов. До войны каждый третий герой наших фильмов задерживал шпиона. Даже в таких неординарных фильмах, как «Партбилет», «Комсомольск», «Светлый путь», «Девушка с характером», герои и героини успешно ловили шпионов. Теперь нам представилась возможность поймать настоящих шпионов. Это была большая удача!

Проехали через большое село и остановились на опушке леса. Сразу же нас окружила толпа колхозников, и все, перебивая друг друга, стали говорить, что слышали в лесу выстрелы. Не теряя времени, мы с Бекшиновым побежали в лес. Сперва бежали рядом, пока не устали. Никого не обнаружив, остановились, чтобы отдышаться. Потом решили отойти друг от друга на сто-двести шагов и таким образом «прочесывать лес». А если что – звать друг друга на помощь. Мы долго блуждали по лесу, но ни диверсантов, ни даже следов перестрелки не обнаружили. Вокруг было тихо и жутковато. За каждым кустом мог притаиться враг. Охотничий пыл в нас поубавился. Мне стало скучно, и я начал подумывать о возвращении в лагерь.

Диверсант

Вдруг в нескольких шагах от себя за стволом дерева я увидел человека. От неожиданности я вздрогнул и выбросил вперед штык винтовки.

– Кто такой?

Вместо ответа человек приложил к губам палец и опасно оглянулся в глубь леса. Он был небрит, одежда наша, колхозная, на правой ноге кровь. «Сторож», – подумал я и, устыдившись своего испуга, опустил винтовку и подошел к раненому.

– Я тутошний, с колхозу, – сказал он шепотом по-украински и, указав на свою окровавленную ногу, добавил: – Нэ можу дійти до дому.

Я наклонился, чтобы посмотреть, что у него с ногой. Сильный удар в голову свалил меня с ног. А он навалился на меня и стал душить. Я был неслабый мальчишка и отчаянно боролся: отрывал руки от горла, бил его по лицу, пробовал кричать, но почему-то быстро слабел. А он железной хваткой вцепился мне в горло. Оторвать его руки не хватало сил. Я задыхался, в глазах темнело. И вдруг выстрел. «Все! – промелькнуло в моем мозгу. – Он меня пристрелил!» Но нет. Руки его ослабели, и он повалился на бок. Я жадно хватал воздух, не понимая, что произошло. Потом я увидел лицо Бекшинова, он что-то говорил. Я не понимал, хотя слышал его. Он пытался поднять меня на ноги – ноги не слушались. Меня рвало. Мимо нас в глубь леса бежали красноармейцы. Оказалось, что Бекшинов услышал шум возни, прибежал и, приставив ствол винтовки к диверсанту, выстрелил.

Медсанбат. Прощание

В дивизионном медсанбате мне на левую руку наложили щитки: была переломана малая лучевая кость, голова гудела от удара. «Сотрясение», – сказал доктор. Перевязали ушибленную голову, обработали исцарапанное ногтями горло. В палатку ворвались мои друзья. Дивизия строилась на марш, и они прибежали проститься. Мы обнялись на прощание. Мухамбеджан был растроган и смущен. Дивизия построилась и ушла. Ушла навсегда...

А меня посадили в кабину грузовика и отправили в тыл. В Золотоноше, в нормальной больнице, на руку вместо временных щитков наложили гипс. Голова болела и гудела, левое ухо не слышало.

– Барабанная перепонка цела, – сказал доктор. – Видимо, травмирован нерв.

Первым «фирменным» эшеленом с красными крестами на зеленых вагонах меня отправили в Харьков.

В госпитале

Харьков

Весь перрон был заполнен людьми в праздничных одеждах. Много цветов. Играл духовой оркестр. Каждый звук отзывался в моей голове болью. Мы были первыми ранеными, прибывшими с фронта.

Потом уже, когда война стала бытом, раненых никто не встречал. Только редкие прохожие с грустью смотрели нам вслед.

А сейчас все напоминало праздник. Меня два санитары бережно поддерживали с двух сторон, хотя я мог обойтись и без них. Гордые своей миссией, они вели меня через праздничную толпу. Кто-то положил мне на гипс кулек с конфетами, кто-то – букетик цветов, кто-то – чекушку водки. Бдительные санитары убрали ее.

В этой праздничной кутерьме я чувствовал себя не в своей тарелке. Все другие были ранены в бою, а я – в глупой драке. От всей этой праздничной обстановки, от гремящего оркестра, от приветственных улыбок меня чуть подташнивало, болела и кружилась голова. Только оказавшись в больнице на койке, я мог, наконец, отдохнуть. Я предпочитал не говорить об обстоятельствах своего ранения. От своих однопалатников раненых я узнал о трагедии нашей армии в первые недели войны: о внезапности (для армии) нападения немцев, о неразберихе и панике, о бессмысленном героизме и гибели наших дивизий и о том, как окруженные наши армии сдавались немцам. Я понял, что Бекшинов не только спас мне жизнь, но и избавил меня от бессмысленной смерти в хаосе первых боев и унижительной гибели во вражеском плену.

На протяжении многих лет я упорно искал Мухамбеджана, моего закадычного друга и спасителя. Но куда я ни обращался – ответа не получал. В одном из боев мы освободили из плена 17 казахов. Я спрашивал у каждого из них, не знают ли они Мухамбеджана Бекшинова. Нет, они его не знали.

Когда стали выходить на экран мои фильмы, многие мои однополчане, знакомые и незнакомые, нашли меня. От этой дивизии не отозвался никто. Только уже в девяностых годах я получил письмо от сестры Гриши Самко. Она писала, что Гриша погиб спустя полтора года. Где и как – неизвестно. Гриша был самый старший из нас и самый мудрый, но не той мудростью, которая кичится собой, а скромной хохлацкой насмешливой мудростью. Обычно он молча слушал наши разговоры, но если уж скажет – все становится понятно и смешно. Мы его все любили.

Степу Карнауха мы любили за артистизм. У него был прекрасный голос. Он пел украинские песни, да так задушевно и красиво, что они брали за самое сердце. Иногда мы пели с ним в два голоса. А Муха любили за веселый нрав и уважали за уникальные способности радиста. В казарме наши койки стояли рядом, и мы вместе ходили на свидания с девушками из металлургического техникума.

И каждый раз, встречаясь с казахами, я испытываю волнение. Они – живое напоминание о моем друге. Его я забыть не могу.

Трибунал

Молодой организм побеждал ранения. Только со слухом были нелады. Слух в левом ухе не восстанавливался – когда я волновался, то терял слух совершенно. Моя правая рука была здорова, и я вызвался обучать легко раненых приему на слух сигналов азбуки Морзе. Связисты в то время были в дефиците.

Однажды во время занятий в класс вошел старшина и велел всем выйти во двор «для важного мероприятия». Во дворе стоял стол, покрытый красным кумачом, на котором были видны остатки какого-то лозунга. «Политинформация», – подумал я и устроился на траве недалеко от стола. За столом сидели два гражданских, между ними военный в очках. Они о чем-то оживленно разговаривали, иногда посмеивались.

Появился грузовик, накрытый тентом. Проехав по газону и помяв траву, он остановился у стола. Из него выскочили два красноармейца с винтовками, а вслед за ними показались два человека в крестьянской одежде без поясов. Военный принял официальный вид и объявил заседание военного трибунала открытым.

Оба подсудимых оказались жителями Западной Украины, недавно присоединенной к Советскому Союзу. Они обвинялись в том, что отказались взять в руки оружие.

– Наша вера забороняе, – объяснял свой поступок старший из обвиняемых.

Младший, парнишка лет двадцати, был согласен.

Председательствующий предложил присутствующим высказываться по этому поводу.

Раненые молчали.

– Высказывайтесь, товарищи. Не стесняйтесь! – подбадривал нас председательствующий.

С ближней скамейки тяжело поднялся ампутант без одной ноги.

– Знаем мы этих святош! – прохрипел он. – Когда мы уходили из Прибалтики, они нам в спины стреляли!

– Так то ж воны, – возразил обвиняемый. – А нам вера не дозволяе.

Тройка посовещалась, и очкарик объявил:

– За отказ взять оружие трибунал постановил присудить обоим к высшей мере наказания.

– Правильно! – прохрипел ампутант. Остальные молчали.

Председатель спросил осужденных о их последнем желании. Старший попросил перед смертью борщика. Младший долго молчал, потом упал на колени и стал просить, чтобы его пощадили. Он готов взять оружие, он будет воевать.

– Поздно, – сказал председатель. – Решение окончательное и пересмотру не подлежит.

Затем все – и осужденные, и часовые, и заседатели – залезли под тент полуторки. Председатель сел в кабину рядом с водителем. Машина, дав задний ход, развернулась и укатила.

– Их и правда расстреляют? – спросил я своего соседа старшину.

– А ты как думал! – сказал он, почему-то зло.

Я понимал: надо защищать родину. Но в душе оставалось чувство непонятной тоски.

Городской отпуск

Иногда легко раненых отпускали в городской отпуск. Я тоже просил врачей отпустить меня. Но пока у меня были головокружения, мне в отпуске отказывали. Когда же я почувствовал себя лучше, меня с моим однопалатником Митей Кривцовым, наконец, отпустили, поручив Мите опекать меня. Это было напрасно, я мог бы обойтись и без его опеки. Тем не менее в город мы вышли вместе. Митя был мой ровесник. Он легко сходилась с людьми. Говорил с легким белорусским акцентом – родом он был из Витебска.

Итак, мы получили отпуск и после наставления старшины из батальона выздоравливающих вышли в город. Ворот у госпиталя не было. Вместо них госпитальный двор от улицы отделяла арка. У арки стоял часовой из старослужащих. Он надел очки, внимательно ознакомился с нашими увольнительными и сказал: «Валяйте!» Мы вышли на улицу. Спросили у проходящего старика, как пройти к центру. Тот долго смотрел на нас, что-то соображая, потом рукой указал направление.

– Идите туда.

Погода была хорошая, легкий ветерок перебирал листочки акации. По улице шли прохожие. Пролязгал железом проходящий мимо трамвай. Жизнь города ничем не напоминала о идущей где-то войне. Мимо прошла группка девчонок, мы остановились в надежде, что кто-то из них обратит на нас внимание и заговорит с нами, но девчонки, весело щебеча, порхнули мимо.

– Факир был пьян. Фокус не удался! – сказал мой товарищ невесело.

Недалеко от нас на углу стояла афишная тумба. Мы подошли к ней. Нас привлекла афиша, извещающая, что в Украинском театре состоится дневной спектакль – «Запорожец за Дунаем».

– Пойдем, посмотрим, – предложил Митя.

Я видел эту пьесу еще до войны и в Синельникове, и в Днепропетровске, но выбора не было. Я согласился.

В это время завывли сирены. По радио – на столбе висел черный раструб громкоговорителя – голос диктора прохрипел по-русски и по-украински о том, что объявляется воздушная тревога. Люди, особенно пожилые, заторопились, побежали. Трамвай остановился на полпути, из него высыпали люди и тоже побежали. Мы остались стоять возле тумбы, всем своим видом показывая, что нам ничего не страшно. Впрочем, никто не обратил внимания на наш героизм. Люди торопились, беспокойно поглядывая на небо. «Чего они так боятся?» – думал я. Только много позже я понял разницу между нами и ими: мы отвечали только за свою жизнь, а они за жизнь своих детей.

Улица быстро опустела. Мы с Кривцовым стояли, задрав головы, и смотрели на небо. Где-то далеко ухали зенитки, совсем близко от нас застрекотал пулемет, но вражеских самолетов не было видно. Вдруг прогремел взрыв. Потом стало тихо, а через несколько минут тот же репродуктор, щелкнув, прохрипел, что воздушный налет кончился. На улице из подворотен, из домов, из бомбоубежища стали появляться люди. Многие собирались в кучки и что-то обсуждали. Мы с Кривцовым подошли к одной такой кучке. Люди обсуждали, где упала бомба. Большинство называли улицу, название которой нам ничего не говорило. Рыжая девочка сказала своей подружке:

– Я знаю, где это. Пойдем, посмотрим!

– Девушки, а можно и мы с вами? – спросил Митя. Подружки посмотрели на нас. Одна из них, скривив ротик, нехотя согласилась:

– Пожалуйста...

По пути разговорились. Девушки рассказывали, что в городе много шпионов и что они наводят на город немецкие самолеты. Одна девчонка рассказывала:

– Недавно поймали старушку. Обыкновенная старушка, но почему-то в руках несла цветные карандаши. Вот так... Мы сразу подумали: это неспроста. Задержали старушку и отвели в милицию. Оказалась шпионка.

– Ну, уж сразу и шпионка! – усомнился Кривцов.

– Да! – настаивала девчонка. – Она, конечно, оправдывалась, но милиционер сказал...

– Ну, раз милиционер сказал, тогда точно шпионка, – съязвил Митя.

Рыжая обиделась, дернула за руку свою подружку и увела ее в сторону.

– Идите сами, раз вы такие умные!

Дальше мы продолжали искать место, где упала бомба, расспрашивая прохожих.

Находка

Бомба попала в жилой дом, на первом этаже которого находился большой книжный магазин. Она продырявила все этажи и разорвалась только вниз. По улице между кучками кирпичного щебня текли ручьи чистой воды (очевидно, пострадал водопровод). По всей улице валялись книги на русском и украинском языках. Недалеко от дома кучки свидетелей и зевак взволнованно обсуждали случившееся. Я машинально читал название книг. И вдруг наткнулся на толстую книгу. На ней было написано: «Л. В. Кулешов. Уроки кинорежиссуры». Сердце мое дрогнуло. Меня так захватила война, что я забыл о своей мечте стать режиссером, но, увидев эту книгу, я снова вспомнил все, и во мне с новой силой возгорелась мечта. Я подобрал книгу. Кинга была тяжелая, килограмма полтора-два, но я не мог с ней расстаться и долго носил ее в своем вещмешке. Эта книга определила всю мою дальнейшую жизнь. Много позже, уезжая после формирования на фронт, я оставил ее у своей любимой девушки, обещая вернуться за ней. Любимая девушка, Ирина Пенькова, ее сохранила. Потом были оккупация и освобождение. Я возвратился за книгой, женился на девушке и опять уехал на фронт. Но это уже другая история.

Мой взвод

Скачок карьеры

События разворачивались стремительно и самым неожиданным образом. Утром у меня сняли гипс. Днем приняли кандидатом в партию. А через час я уже стоял в штабе 1-ой Запасной бригады Харьковского военного округа перед столом майора, который назначил меня, младшего сержанта, командиром пехотного взвода. Не скрою, я был польщен повышением: (командир взвода – офицерская должность) но не мог не сказать, что я по специальности радист и пехотного боя не знаю. Майор, выслушав меня, сказал устало:

– Если бы у меня было, кого назначить, я бы тебя, сопляка, в упор не видел. Но у меня нет офицеров. Ты больше года прослужил в армии. И вообще, – вспыхнул майор, – приказы не обсуждаются!

Я молча козырнул, повернулся и вышел из кабинета.

Мой взвод

На улице перед зданием штаба меня уже ждал мой взвод. Это были только сегодня мобилизованные работники харьковского прилавка, на них еще была гражданская одежда. Их вид меня огорчил: все они по возрасту годились мне в отцы. Должно быть, и мой вид не произвел на них отрадного впечатления.

Нас отвели на какую-то гору и дали участок, который мы должны защищать. Участок располагался на гребне горы над станцией Харьков-Сортировочная. Окопы здесь были вырыты до нас, но были не в лучшем состоянии. Я взял велосипед и поехал к брошенным казармам. Там в опустевших комнатах среди разного хлама я разыскал книжечку «Боевой устав пехоты» и, возвратившись к своим подчиненным, вслух почитал, как следует оборудовать окопы. Привезли ужин и обмундирование. Командир роты, пожилой человек с брюшком, по фамилии Куцый, воевавший еще в гражданскую войну, вывел меня, пока люди ели, в поле за нашими окопами и сказал:

– Значит так, сынок, после ужина поведешь своих в баню. Пойдешь прямо так, через пустырь. – Он указал направление. – Увидишь две трубы – это и есть баня. Обмундируешь своих и вернешься в окопы. Ясно?

– Ясно!

Меня не задевало, что он ласково называл меня сынком. Он и в самом деле годился мне в папаши.

Ужин затянулся до темна. Я построил своих «торгашей» и повел их через пустырь, стараясь во тьме не потерять направление. А тьма была кромешная, ничего не видать, хоть глаз выколи. Я шел, думая о чем-то своем. Позади себя я слышал шаги своих подчиненных. Потом, опомнившись, я понял, что уже давно не слышу этого звука. «Ушли торгаши!» – подумал я грешным делом, но на всякий случай позвал.

– Ребята! Где вы?

– Мы здесь!

Оказывается, они были совсем недалеко от меня. Я возвратился на голос.

– Чего же вы стали?

– Мы вас не видим...

«Вояки! – с презрением подумал я. – Темноты испугались!»

Вообще я относился к своим подчиненным со сдержанным пренебрежением.

Набросив себе на спину белое полотенце, я спросил:

– Теперь видите?

– Теперь что-то разбираем...

Я пошел впереди, гордясь своей придумкой и в душе называя своих подчиненных пренебрежительными именами. В то время я считал себя смелым и опытным солдатом, а их – трусливыми стариками. Мы нашли баню, вымылись, надели новенькое обмундирование и уже на рассвете возвратились в свои окопы.

Прибыла полуторка с винтовками и патронами. Я раздал оружие и объявил отбой. Среди моих подчиненных был один, кого я не так презирал, как других. Фамилия его была Прятко. Он пришел на призывной пункт со своим баяном и оказался талантливым музыкантом. Да и по возрасту он был моложе других. Мои «торгаши», не привыкшие спать в окопах, никак не могли пристроиться. Некоторые стонали. А Прятко тихо играл на баяне мелодию грустной украинской песни «Из-за горы камьяной». Слушая эту мелодию, я забылся.

И вдруг крик:

– Танки! Немецкие танки!

Я воюю

Я открыл глаза и посмотрел вниз. На станции Харьков-Сортировочная к рельсам медленно двигались три танка.

– Нечего паниковать! Это наши танки! – спокойно объявил я. – Откуда здесь взяться немцам?

Но танки вздрогнули, и через наши головы, шелестя и шипя, полетели снаряды. Один... другой... третий...

– В ружье! – героически скомандовал я.

Но все мои вояки повалились на дно окопа и лежали не двигаясь. Я схватил свою винтовку и стал стрелять по танкам. Огонь со стороны немцев усилился. Снаряды летели через наши окопы, а мои солдаты бездействовали. Я отстреливался, бегал по окопу, матюгался и пинками сапог поднимал боевой дух своих «стариков». Они поднимались на ноги, но только я поворачивался к другим, эти снова оказывались на дне окопа. Между тем с нашей стороны заработала артиллерия. Теперь и наши снаряды, шипя, летели через наши головы и рвались вокруг танков. Шум боя усиливался. В углу окопа, от страха надев противогаз вверх трубой, лежал толстый мужчина. Я подбежал к нему и сорвал противогаз. На меня смотрели глаза, от страха потерявшие радужную оболочку.

– Если бы все люди были честными, – простонал он, – то и войны бы не было...

Я плюнул от омерзения и, схватив винтовку, снова начал стрелять... Танки попятились, развернулись и начали уходить. Наступила долгая тишина и только толстый философ всхлипывал, обхватив лысеющую голову руками. Не скоро кто-то из моих торгашей осмелился выглянуть из-за бруствера окопа, и я услышал победный крик:

– Они ушли! Мы победили!!!

«Хороши победители», – подумал я.

Бунт

После обеда распространился слух: «Немцев прогнали аж за Полтаву!» Мои торгоши осмелели и стали сперва робко, потом громче и громче осуждать мое поведение.

- В Красной Армии не положено ругать подчиненных матом.
- А лежать на дне окопа и не стрелять по врагу положено? – возражал я.
- А пинать подчиненных сапогами положено?
- А как же еще с вами поступать, если вы не хотите воевать?

И тут прорвало! Заговорили все разом, наседая на меня и отталкивая друг друга локтями.

- А вы нас научили воевать?!
- Я вам в отцы гожусь, а вы меня сапогами!
- Стрелять! А я знаю как? С какого бока заряжать винтовку, я знаю?
- И я понятия не имею, а вы меня матом... Чтоб я так жил!

Возмущение росло. Они называли меня хулиганом, и антисемитом, и махновцем.

Я смотрел в их возмущенные лица и думал: «Если будет настоящий бой, они побегут, а меня будут судить. Суд не страшен, страшно бесчестье. Нужно решительно отказаться от должности» Я встал и направился к командиру роты. Штаб находился в небольшом здании из кирпичей серого цвета.

Выслушав мои доводы, Михаил Семенович Куцый вздохнул и сказал:

– Нет, сынок. Так не выйдет. Кого ты назначил бы вместо себя? Ты хоть что-нибудь знаешь, а другие – совсем ничего.

– Да ведь я ничего не умею!

– Научишься! Ты думаешь, я что-то умею? Я воевал в гражданскую, а сейчас все по-другому. Признаюсь честно: ничего не понимаю. А вот назначили – и деваться некуда! Иди, сынок, проводи занятия.

Я возвратился в свой окоп. И опять встретил недоброжелательные взгляды Я и сам смотрел на них как мышь на крупу. Но делать нечего, стал обучать их обращению с винтовкой... Будущее представлялось мне черным и беспросветным.

Спасение

Но, как всегда, когда казалось, что выхода нет, судьба выручала меня. Вот и сейчас. Пока я рассуждал о своей несчастливой доле, на бруствере окопа появились сапоги на кри-вых ногах. Я поднял взгляд и увидел незнакомого майора.

– Товарищи бойцы, – громко сказал майор, обращаясь к нам, – ЦК ВЛКСМ объявляет набор добровольцев в воздушно-десантные войска. Кто из вас желает?

Я не дал ему закончить фразу и, подняв руку, закричал:

– Я! Я желаю!!!

Записав мои данные, майор спросил:

– Есть еще желающие?

Желающих больше не нашлось, и майор направился к другим окопам.

Мои подчиненные удивленно смотрели на меня.

– Молодой человек, – сказал один из них. – У вас есть мама? Это же... прыгать к нем-цам!..

– Хоть к черту на рога, только без вас! – ответил я грубо.

– А что мы вам такого сделали? Мы вас матюгали нехорошими словами? Мы вас пинали под ребра?

Я ничего не ответил, а только думал. «Труссы! Торгаши!» Я уже чувствовал себя десант-ником, и фантазия рисовала мне героические картины... Я опускаюсь на Синельниковскую селекционную станцию. Здесь мои мама и отчим. В руках у меня автомат. Я строчу, строчу длинными очередями, сею панику и смерть среди немцев.

На Украине про такое говорят «Дурень думкой богатие». Мне было всего двадцать лет.

Воздушно-десантный корпус

Едем

Вагон забит до отказа, Люди сидят, лежат, примостившись кто на чемоданах, кто на полу, кто на третьих полках. Спертый воздух пахнет пеленками.

Слышится детский плач и веселый смех.

Это наши ребята развлекают красивую девушку – терскую казачку. Нас пять человек, пять будущих десантников. Я старший Я веду себя солидно, и это нравится девушке. Мы едем в город Ейск, в 3-й воздушно-десантный корпус.

Ейск

И вот, наконец, станция Ейск. Выходим из вагона спрашиваем солдата с красной повязкой на рукаве, как пройти к воздушным десантникам

– Обратитесь к коменданту города, – отвечает он.

Понятно – военная тайна. Солдат знает свое дело туго. Выходим в город. Находим военную комендатуру. Там полно народу. У всех дела, у нас один вопрос. Пробираюсь сквозь толпу к столу коменданта.

– Как пройти в воздушно-десантный корпус?

– Какой корпус?

Достаю направление, подаю коменданту. Он читает и возвращает мне направление.

– У нас нет никакого корпуса.

Я растерян.

– Мы направлены к вам... Может быть, вы не знаете...

– Как не знаю?! Корпус! Четырнадцать тысяч гавриков! У нас нет корпуса.

– Куда же нам деться?

– Не знаю, не знаю...

– Узнайте! Мы же не самозванцы! Вот направление. Оно к вам.

Какой-то сержант из толпы, окружившей коменданта, вмешивается в наш разговор.

– Около базара, там зеленые ворота, я видел летчиков. Может быть, они знают.

– Где базар?

Зеленые ворота

Где базар, все в городе знают. Находим базар и зеленые ворота. Они настежь открыты. На ящиках сидят, покуривая самокрутки, несколько парней в летной форме.

– Ребята, не знаете, где воздушно-десантный корпус?

– Знаем, но не скажем...

– Правда? Скажите!

– Военная тайна...

– Прекратите треп! – командирским голосом говорит подошедший старшина. – Здесь воздушно-десантный корпус... Направление есть?

Достаю направление и отдаю ему. Он читает и кладет бумагу в нагрудный карман гимнастерки.

– Нам бы представиться начальству, – говорю я.

– Я начальство, – говорит старшина.

Смотрю на него – вроде не врет, а все-таки не верится. Старшина командует корпусом?

– Корпус только формируется. Начальство еще не прибыло, – объясняет старшина. –

Хотите есть?

– Хотим.

– Идите туда! – Он указал в конец двора. – Там, в ящиках, найдете хлеб и консервы.

Кушайте, сколько хотите.

– А дальше что?

– Дальше ждать.

Добровольцы прибывают

Поели, поспали. А утром появились еще три группы добровольцев. Потом еще и еще. Группы прибывали одна за другой, и нас становилось все больше. С одной большой группой пришел капитан и как старший по званию принял командование на себя.

– Люди шатаются по городу без дела. Комендант задержал двух солдат в нетрезвом виде. Надо занять людей делом.

– Каким?

– Отработыванием ружейных приемов, например.

– Хорошо бы, – сказал отстраненный старшина. – Но нет ружей.

– Сделать макеты из досок!

Назавтра многие заборы в Ейске недосчитались своих досок. Целый день с помощью ножей и финок солдаты мастерили макеты ружей. У одних получалось хорошо, у других похуже, но макеты были изготовлены. А еще через день по улицам города браво шагали колонны солдат, распевая строевую песню:

Гремя огнем, сверкая блеском стали,
Пойдут машины в яростный поход,
Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин
И первый маршал в бой нас поведет!

Женщины смотрели на наше вооружение и тихо вытирали слезы.

Контуженный полковник

Вскоре появился полковник и по старшинству возглавил наше воинство. Полковник прибыл к нам из госпиталя после тяжелой контузии. Он плохо слышал и, чтобы говорить с ним, приходилось кричать. Собрав старших групп, он опросил их и каждого назначил на временную должность. Маршировки по городу с макетами вместо ружей он отменил.

Вызвал он и меня.

– Имя?

– Младший сержант Чухрай! – доложил я.

– Вижу. Военная специальность?

– Связист.

– Говори громче. Я плохо слышу.

– Младший сержант!!! Связист!!! – прокричал я.

– Хорошо! Будешь моим начальником связи.

«Опять повышение! – подумал я – Начальник связи корпуса по званию должен быть полковником» Опять временный взлет карьеры! Но я уже не относился к этому повышению серьезно.

Полковник поселился в небольшом особняке недалеко от базара. На втором этаже особняка был его кабинет с канцелярским столом и единственным венским стулом. В углу, у стены, стоял бронированный сейф с секретными документами, в соседней маленькой комнате – спальня с железной больничной койкой. На первом – большая комната с пятью железными койками для меня и моей команды.

Нам предстояло по очереди дежурить у телефона, висящего на стене в коридоре, принимать телефонограммы и криком сообщать глухому полковнику их содержание. Приказы по телефону полковник отдавал сам. Для охраны сейфа с секретными документами нам выдали единственную винтовку образца 1891 года. Мы передавали ее друг другу вместе со сменой дежурства.

А добровольцы все прибывали и прибывали.

Матрос

Третий день море штормило. Волны, казалось, со злостью обрушивались на пирс. Холодный ветер заставлял добровольцев кутаться в шинели. Ночью на город с неба обрушились струи ливня. Ветер бросал пригоршни воды в окна, и они барабанили о стекла. Я сидел под единственной лампой у телефона и читал Генриха Гейне (других книг в особняке не было) Неожиданно послышался настойчивый стук в дверь. Гофар Аликперов, дежуривший у телефона, вопросительно посмотрел на меня: что бы это могло означать? Стук в дверь повторился настойчиво и тревожно Я подошел к двери.

– Кто?

В ответ кто-то кричал. Но слов из-за ливня и ветра нельзя было понять. Я взялся за ключ. Гофар наставил ствол винтовки на дверь.

– Давай!

В открывшуюся дверь ворвался холодный ветер и брызги воды. В дверях стоял матрос в тельняшке, с него струями стекала вода. Оттолкнув меня в сторону, он вошел в вестибюль и, с силой захлопнув за собой дверь, закричал:

– Где начальник? Давай начальника!

– Полковник спит.

– Я с той стороны... – И к Гофару: – Убери, гад, пушку!.. Переплыл через пролив... Нужен начальник... Срочно!

По взволнованному тону и виду матроса мы поняли, что случилось что-то важное.

– Пойдем, – сказал я. – Разбудим его. Поднявшись по лестнице, мы остановилось перед дверью полковника.

– Подожди здесь, – сказал я матросу, – я доложу. Матрос согласно кивнул. А я заметил, что он весь дрожит от холода и нетерпения.

Полковник проснулся, сел на кровати в одном исподнем.

– Что?

– К вам какой-то матрос. Срочно.

– Срочно? Зови матроса...

Я открыл дверь.

– Давай! Только говори громко он контуженный, плохо слышит.

– Я с той стороны, – торопясь, доложил матрос, – переплыл через пролив... Нужно оружие!

Полковник молча смотрел на матроса. Казалось, он не вполне понимает его. Матрос закричал громче, чем прежде.

– Я с той стороны! Бердянское училище военных моряков! Немцы подходят к городу. Дай оружие! Умрем, но не отдадим город!

Полковник молчал.

– Ты что, не слышишь?! – возмутился матрос.

– Нет у меня оружия, парень, – сказал полковник тихо.

– Как нет?! Молодые ребята!.. Погибнут без боя! Дай хоть винтовок!

Полковник закричал:

– У меня на весь корпус только одна винтовка! Одна на весь корпус! Понимаешь?

Матрос, не понимая, смотрел на полковника.

– Я бы тебе отдал последнее. Но нет и взять мне не у кого!

Матрос не понимая смотрел на него, потом вдруг весь как-то осунулся, повернулся и устало пошел к двери. Упершись в косяк головой, он вдруг разрыдался, посылая кому-то страшные проклятия...

Когда, уже после войны, в газетах написали, что я готовлю фильм о войне, я получил письмо от начальника тыла генерала Сокола. Он обижался на прессу, обвиняющую его ведомство в нехватке оружия. Генерал цифрами доказывал, что оружия нам вполне хватало. Но оружие на складе само не стреляет. Оружие нужно было людям, а там, где оно было нужно, его не хватало. Важна не статистика, а факты.

Пирс

На третий день ливень прекратился. Появилось солнце, но море еще волновалось. Рано утром мы услышали разрывы. Зазвонил телефон.

– На пирс налетели «мессершмитты»! Бомбят и расстреливают мирных жителей!

– Каких мирных жителей? Откуда они на пирсе?

– Жителей с того берега. Ночью они переправились через пролив. Бежали от войны, но вот не убежали...

Мы громко сообщили об этом полковнику. Он молча выслушал нас. Что он мог? Ни зениток, ни тем более истребителей в Ейске не было. Мы с ним хотели пойти на пирс, но пришел приказ срочно погрузить личный состав в вагоны и отправиться на Северный Кавказ. Надо было успеть погрузить тяжелый сейф с документами – дело нелегкое; надо было зачем-то конфисковать у жителей велосипеды и погрузить их в эшелон. Мы все успели.

Те, кто побывал на пирсе, рассказывали потом: «мессершмитты» налетели неожиданно, расстреливали людей на бреющем полете. Действовали жестоко и безнаказанно. Много убитых детей и женщин. Весь пирс был в крови и трупах. Я всего этого не видел: занимался погрузкой, но переживал, как будто был свидетелем этой кровавой расправы.

Снова Ессентуки

Я бывал в этом городе еще ребенком. Это был веселый курортный город. Сейчас я не узнавал его. Те же улицы, тот же зеленый парк, но улицы невеселы и безлюдны; иногда появляется человек, но тут же скрывается за какой-нибудь дверью. Отдыхающих нет. Санатории превращены в госпитали. Жители жалуются: от раненых житья не стало. Женщинам, девушкам на улице лучше не показываться. Мужчин избивают, отнимают деньги. Устраивают пьяные драки. Ножей им не дают – дерутся вилками. Вилками убили начальника милиции, пытавшегося разнять пьяную драку...

Командир корпуса вызвал солдат, знающих рукопашный бой, и приказал за три дня навести в городе порядок. В случае необходимости применять силу и оружие. Я подумал: «Оружие к раненым? Они же пострадали, защищая Родину!» И, как бы в ответ на мои мысли, командир сказал:

– Они не защитники Родины, а бандиты. Я не могу в такой обстановке готовить десантников к предстоящим боям. За либерализм буду строго наказывать.

Мы принялись за дело и за два-три дня навели порядок. Было странно, что небольшая кучка бандитов терроризировала целый город. Дебоширы сопротивлялись, качали права, угрожали нам вилками, старались вызвать сочувствие: «Мы раненые! Мы Родину защищали!»

– Мы тоже Родину защищали и тоже валялись в госпиталях, но не грабили и не дебоширили, – отвечали мы.

Действовали мы без сантиментов, при необходимости жестоко, но порядок навели. И город свободно вздохнул. Девчонки считали десантников героями, врачи благодарили:

– Приходит эта шпана и угрожает вилками. «Будешь вякать, выколем глаз!» Требуют спирт и наркотики. И даешь! Не хочешь лишаться глаза. Старшую сестру госпиталя убили за то, что она отказалась отпереть шкаф, где хранились бутылки со спиртом... Шайка бандитов! Спасибо, теперь можно лечить раненых.

Это был для меня первый наглядный урок гуманизма. Если хочешь быть гуманистом, сперва устрани бандитов и воров. Это самое гуманное действие тех, кто действительно мечтает о свободе и демократии.

Пока был здоров, я и писал и говорил на людных собраниях, что нам не нужен сейчас президент о семи пядей во лбу, нам нужен президент, который сможет навести порядок. А потом можно избрать и о семи пядей во лбу. Конечно, огромная страна – не то, что маленький курортный город, и тем не менее навести в стране порядок можно. Для этого нужна сильная власть. Только сильная власть способна осуществить демократические реформы. Слабая годами будет топтаться на месте. Это приходилось доказывать, хотя жизнь это уже доказала. Но наше общество находится в состоянии моральной опустошенности, и люди слушают сказки «демократов», которые их ограбили, – сказки о том, как теперь они, демократы, сделают нас счастливыми. Демократия в условиях смуты способна лишь увеличить смуту. Демократия в условиях законности и порядка может создать условия для процветания страны.

Каждый раз, когда я говорил об этом, поднимался «демократический» вой: «Сильная рука! Мы уже это кушали! Нам не нужен новый Сталин! Мы уже одного имели!» – и всякие другие «прогрессивные» слова, под которые наиболее успешно разворовывались богатства страны и уничтожались ее духовные ценности.

Я согласен, что диктатура опасна, но я не за сталинскую диктатуру. Не я ли первый в Советском Союзе, обманув начальство и цензуру, на свой собственный риск снял антисталинский фильм «Чистое небо», а во время перестройки создал фильм «Сталин и война». Я

ненавижу сталинизм и выступал против него, когда это было опасно и когда другие молчали. Но я не догматик от социализма и не догматик от демократии. Я считаю, что диктатура может быть и не сталинская, что она может быть и ступенькой к демократии (Франко, Пиночет). Для опасно больного общества демократические увещевания бесполезны. Воры, бандиты, убийцы признают только силу.

Когда у человека рак, надо делать хирургическую операцию. Это связано с болью и кровью, но это необходимо. Это и опасно – нет гарантии, что больной выживет. Но приходится рисковать. Конечно, можно ограничиться уговорами, но тогда больной уже точно умрет.

Люди не представляют, в каком состоянии их страна, им некогда об этом подумать, некогда обобщить. Четырежды ограбленные своим «демократическим» правительством, замороженные собственными горе-демократами, изуродованные телевидением, изо дня в день показывающим, как лихо и весело убивать, люди носятся в поисках хлеба насущного. Они знают, что все, кто может, воруют, но относятся к этому снисходительно. Мы тоже ворует, иначе не выживешь. А страна гибнет, и власть не в состоянии защитить гражданина от произвола воров, чиновников, рэкетиров и милиции и желания ближних и дальних иностранцев поживиться за наш счет и унижить нас. Слабых бьют, и наши воры готовы ограбить кого угодно и на любой территории.

Итак, мы навели в городе порядок и приступили к занятиям. Нас учили по-настоящему воевать: выживать в экстремальных условиях, метко стрелять из любого положения, метать ножи, группироваться при падении, прыжкам с парашютом и другим воинским премудростям.

Сегодня я думаю: страна была на грани гибели. Немцы подходили к Москве. А здесь, на Кавказе, нас учили по-настоящему воевать. Кто-то должен был это организовать. Не сами же собой организовались воздушно-десантные войска. Кто-то должен был предвидеть, что они будут нужны.

В ясную погоду в небе, как цветы, распускались белые купола парашютов. Издали это было красиво. Но на следующий день в городе раздавались звуки траурного марша: хоронили солдат, погибших на тренировках. Потери были большие. Политруки говорили:

– Осваиваем новое дело. Потери неизбежны.

Егорыч, наш пожилой инструктор парашютного дела, при этом только тяжело вздыхал. И однажды под большим секретом рассказал нам, что это дело вовсе не новое, что в 1932 году Тухачевский с Уборевичем на маневрах под Киевом показали парашютный десант, что «иностранные дипломаты и военные атташе от удивления рты раскрыли». Но потом Тухачевского, Уборевича, Корка и других видных военных обвинили в измене и расстреляли. Вслед за ними уничтожили многих инструкторов-парашютистов. Сам он уцелел только потому, что вывихнул при приземлении ногу и попал в больницу. Вот почему теперь опытных инструкторов не хватает...

Егорыч помолчал и попросил нас:

– Только вы, ребята, молчок. Иначе мне крышка.

В эту ночь я не мог заснуть. Вспомнился 1937 год и разоблачение «группы военных предателей»: Тухачевского, Якира, Уборевича, Корка... Мы тогда уже жили в Москве.

Мама, узнав о «предательстве» группы Тухачевского, была подавлена.

– Странно, – сказала она. – Тухачевский был выдающимся полководцем гражданской войны... – И тяжело вздохнула. Потом, посмотрев на меня, прибавила: – Люди иногда изменяют самим себе...

А на улицах играли оркестры, газеты клеймили позором «подлых изменников», и «труслящие» требовали уничтожить их как бешеных собак». В нашей школе тоже был митинг. Выступали представители райкома и отдела народного образования. Выступали и наши

педагоги. Все говорили одно и то же: «Собакам – собачья смерть!» Я был в это время активным комсомольцем и тоже выступал. «Какое счастье, – говорил я, – что наши органы обнаружили и обезвредили предателей! Страшно представить, что могло бы быть в случае войны!» Сам себе в это время я казался передовым и принципиальным.

Сегодня мне стыдно за эти слова. Сегодня я знаю, что Тухачевский был не только выдающимся полководцем гражданской войны, но и талантливым строителем нашей армии. Ему принадлежала инициатива применения в войне парашютных десантов, он впервые предложил использовать в войне танковые соединения, он поддерживал ученых, разрабатывающих реактивное оружие. Группа Тухачевского считала, что война с немцами неизбежна. Сталин надеялся столкнуть Гитлера с капиталистическим Западом, считая, что «Гитлер увязнет в этой войне, а мы в это время будем продолжать строить социализм». Группа Тухачевского мешала этому «хитрому» замыслу. Ликвидировать группу Тухачевского у Сталина были и личные мотивы: во время гражданской войны они, талантливые и удачливые, были ближе него к власти, к которой он жадно стремился. Кроме того, они знали ему, Сталину, цену и мешали уже одним своим присутствием.

Жизнь показала, что правы были они, а не он. Гитлер не увяз в войне на Западе. Он, обманув Сталина, напал на нас. Все идеи и начинания Тухачевского были успешно использованы в Великой Отечественной войне. Знаю и то, что листы протоколов допроса Тухачевского залиты его кровью (я держал их в руках) Я тоже повинен в этой крови. Мне больно и стыдно вспоминать свои слова и обстановку всеобщей истерии, охватившей страну. Оправдания этому нет.

Танцы

Нашу роту поместили в небольшом особнячке, недалеко от клуба Медсантруд, длинном одноэтажном здании, похожем на сарай. В этом клубе по выходным дням устраивались танцы, и десантники часто проводили в нем свои свободные вечера. Приходил на танцы и я. Если в клубе не было девушки, заинтересовавшей меня, я мог целый вечер простоять у стенки, но так никого и не пригласить. Но этот вечер оказался для меня особенным. Среди танцующих я заметил новую девушку, которая произвела на меня большое впечатление. Заметив ее, я даже разволновался. Она сидела со своими подружками, ее милое, красивое лицо излучало спокойную доброту, и мне приятно было смотреть на нее. Но пригласить ее на танец я не решался. Смотрю – к ней направляется парень из нашей роты, Ваня Таран. Подходит и разговаривает с ней как старый знакомый. Поставили очередную пластинку, и он пригласил на танец ее подружку. Я удивился: «Почему не ее? На его месте я бы никого не пригласил, кроме этой девушки». Когда танец кончился и Ваня провожал на место свою партнершу, я, схватив его за руку, взволнованно спросил:

- Иван, кто эта девушка?!
- Моя партнерша?
- Нет, та, что рядом с ней. С которой ты разговаривал...
- Ирина Пенькова. Вместе поступали в институт.
- Познакомь!

Я видел, как, проводив свою партнершу на место, Ваня заговорил с той самой девушкой. Она стрельнула глазами в мою сторону и тут же отвернулась, скрывая свой интерес ко мне. Но для меня этот взгляд был целым событием! Потом Ваня Таран, как бы случайно прогуливаясь по залу, подвел меня к ней и познакомил. И, конечно же, я пригласил ее на танец. О чем, танцуя, мы говорили – не помню. Помню только, что я спросил, почему я раньше ее не видел.

- Мы были на окопах. Рыли противотанковые рвы, – объяснила она.

После танцев я пошел ее провожать. С ней была ее младшая сестра, Люба. И опять мы о чем-то говорили, и этот разговор имел для нас особый, только нам понятный, глубокий смысл. Расставаться с ней мне не хотелось. Я спросил:

- Когда мы с вами снова встретимся?
- Не знаю, – ответила она, смутившись.
- Давайте через три дня! – предложила Люба.
- Где?
- В городском кинотеатре. – Люба завладела инициативой в этом вопросе.

Три дня я не ходил, а летал, ожидая свидания. «Что там кинотеатр! – думал я. – В Зеленом театре состоится большой концерт. Приглашу ее туда!»

Истратив все свои деньги на два билета, я принарядился. Ребята одевали меня всем коллективом: кто дал новую гимнастерку, кто на руку часы, кто свои сапоги. Сапоги были маловаты, но хромовые, не солдатские. Чего не сделаешь, чтобы понравиться девушке! Я решил: перетерплю. В таком виде я направился на свидание. Но мне в этот вечер решительно не везло. На выходе из казармы мне встретился командир роты Василий Иванович Невструев.

- Куда собрались, старший сержант?
- В город, товарищ капитан.
- А увольнительная есть?
- Увольнительной нет. Замешкался. Офицеры ушли.
- А что вы так нарядились?
- Тороплюсь. Назначил свидание хорошей девушке.

Невструев был добрый командир.

– Ну, если хорошей, – сказал он, улыбаясь, – идите. Если задержит патруль, скажете: «С разрешения командира роты».

Окончив разговор, я посмотрел на часы: времени до встречи оставалось мало. Я побежал к кинотеатру и тут понял свою ошибку: сапоги жали нещадно, бежать в них было нестерпимо больно. Прибежал к кинотеатру – Ирины нет. «Должно быть, ждет меня в фойе!» Сунулся в фойе – контролер не пускает. Я в кассу – билетов нет. Я к администратору – билетов нет.

– Один билет! Жизнь зависит! – взмолился я.

– Ну, если жизнь... – администратор достал какую-то книгу и, не торопясь перевертывая страницы, стал искать билет, приговаривая: – Ну, если жизнь... Ну, если жизнь... Ну, если жизнь зависит...

Наконец, отыскав билет, отдал его мне.

– Денег не надо!

Вбегаю в фойе – ее нет. Очевидно, вошла в зал. Я в зал. Хожу по проходу, ищу ее по рядам. Ирины нет. «Не пришла!» – думаю я. Огорченный, постояв около кинотеатра и не дождавшись ее, хромяя, плетусь к Зеленому театру. Надеюсь продать билеты. Но желающих купить нет. «Черт с ними, с билетами!» Хочу уходить. Вдруг какая-то девушка – я видел ее на танцах – спрашивает лишний билетик.

– Есть лишний!

– Сколько? – интересуется она ценой.

Я показываю билеты. Увидев цену, она даже вскрикнула.

– Ой! Как дорого!

Мне стало стыдно. Студентке предлагаю такие билеты! Оправдываюсь:

– Я не продаю, я приглашаю. Пойдемте вместе.

– Но так дорого...

– Ждал свою девушку, а она не пришла... – объясняю я.

Входим в зрительный зал. Моя попутчица спрашивает.

– Что это вы так хромаете?

– Неудачно приземлился, – с ходу придумал я.

Садимся на свои места. На нас с подозрением смотрят соседи, обладатели дорогих билетов: генерал с женой и какой-то старик в шикарном по тому времени костюме.

До войны традиционно в Ессентуки приезжали лучшие артисты. Приезжали они и сейчас. Но мне было не до концерта. Я думал: «Почему она не пришла?» В антракте замечаю, что на нас смотрит какая-то молодая пара и нехорошо улыбается.

– Что они на нас так смотрят? – спрашивает моя попутчица.

– Не знаю.

А молодая пара направляется прямо к нам, и девушка, измерив взглядом мою попутчицу, говорит мне:

– Вот вы, оказывается, где! А мы с Ириной ждали вас у кинотеатра...

Я чувствую себя, как преступник, пойманный на месте преступления, и пытаюсь что-то объяснить. Но она только многозначительно кивает. Мол, знаем мы вас...

Звенит звонок, начинается второе отделение концерта. И опять я смотрю на сцену и ничего не вижу. Только думаю: «Как неудачно все получилось!» Мне стыдно и обидно. Я чувствую себя бесконечно виноватым перед Ириной и боюсь ее потерять. Когда концерт закончился, я, извинившись перед своей попутчицей, подхожу к подружке Ирины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.